

RU

Поэма Кязима Мечиева «Сары Къош» («Желтый Кош») и карачаево-балкарские «Жортуул жырла» («Песни о наездничестве»): этно-семантические параллели

Биттирова Т. Ш.

Аннотация. Цель исследования - раскрытие основных семантических концептов в поэме классика карачаево-балкарской литературы Кязима Мечиева «Жёлтый Кош». Названная поэма является первым произведением, в котором ярко осуждаются идеи наездничества, сопряженные с насилием и грабежом. Научная новизна заключается в том, что впервые проводится сопоставительный анализ фольклорных песен о набегах и поэмы К. Мечиева через призму гуманистических представлений. Впервые актуализируются заостренные в произведении К. Мечиева проблемы защиты жизни и имущества от организованных с целью наживы набегов. Полученные результаты - раскрытие основных идей поэмы, их художественного решения, реализма автора при построении системы художественных образов - позволяют утверждать о зрелой гражданской позиции поэта при оценке негативных явлений горской жизни конца XIX - начала XX в.

EN

Kyazim Mechiev's Poem "Сары Къош" ("Yellow Kosh") and the Karachay-Balkar "Жортуул жырла" ("Songs about Forays"): Ethno-Semantic Parallels

Bittirova T. S.

Abstract. The paper aims to reveal the basic semantic concepts in the poem "Сары Къош" ("Yellow Kosh") by Kyazim Mechiev, the Karachay-Balkar literary classic. This poem is the first literary work which openly criticizes the practice of forays accompanied by violence and robbery. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher for the first time analyses folk songs about forays and K. Mechiev's poem through the lens of humanistic conceptions. The article actualizes the problem of protection from rapacious forays, the key problem of Mechiev's poem. The research findings are as follows: the author reveals the main ideas of the poem, considers originality of artistic solutions and justifies the thesis that Mechiev uses the realistic approach when developing the artistic images system. The findings allow concluding on the poet's well-considered civic attitude towards negative phenomena of the Caucasian life at the end of the XIX - the beginning of the XX century.

Введение

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в заданном аспекте тема набега как социального явления в творчестве К. Мечиева специально не рассматривалась. Освещению данной проблемы в литературе, за исключением комментария к двухтомнику поэта, составленного А. Теппеевым, не уделено должного внимания [12, с. 290]. При этом нужно иметь в виду, что его поэзия – картина времени, стремящаяся быть объективной в изображении событий, происходивших с участием современников и близких людей автора. Поэма «Желтый Кош» – одна из первых карачаево-балкарских светских поэм предписменного периода – не была предметом специального исследования. Изучение всего комплекса идей, в ней реализованных, позволяют представить творчество поэта с нового ракурса.

Задачи:

1. Определить, как отразилось известное историческое событие начала XX века – угон скота сванами в Хуламо-Безенгиевском ущелье в поэтическом наследии классика карачаево-балкарской литературы К. Б. Мечиева.

2. Проанализировать поэму К. Мечиева «Жёлтый Кош», посвященную набегам и ее связь со средневековыми историческими фольклорными песнями о наездничестве, соответствие художественных фактов историческим реалиям.

3. Выявить глубину и масштаб отражения исторических событий в творчестве поэта, его отношение к захватчикам и их вожакам.

Методы исследования: сравнительно-сопоставительный и контекстуальный методы сочетаются в статье с принципом системности и целостности анализа. Основной методологический и методический принцип исследования – принцип историзма.

Теоретической базой работы стали общетеоретические исследования и работы, посвященные творчеству Кязима Мечиева [1-3; 6; 7; 9; 11-13].

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при чтении курсов по истории и теории карачаево-балкарской литературы, при написании монографий и статей, посвященных творчеству К. Б. Мечиева.

Реальные события начала XX века в поэтическом наследии К. Б. Мечиева

Классик карачаево-балкарской литературы Кязим Беккиевич Мечиев (1885-1945) – основоположник реалистического отражения исторических событий и социальных конфликтов в творчестве художников слова. В своих произведениях – таких известных стихотворениях, как «Кириуют» (название покосного участка), «Царская армия вошла в село», «Сегодня князь Сюйюнчев бедняка Ахмата», «1914 г.», в мекканском цикле стихов и мн. др. – он рассказывает о событиях и фактах, свидетелем которых был, и дает им характеристику, проецируя на свои нравственные убеждения. Большинство драматических, трагических коллизий жизни балкарского общества на рубеже веков находили живой и быстрый отклик в поэзии К. Мечиева.

К. Б. Мечиев – автор первых письменных светских поэм, построенных по всем канонам литературного жанра. Его поэмы «Раненый тур», «Желтый Кош», «Бузжигит» были абсолютно новым явлением в карачаево-балкарской художественной словесности. Если авторская идея в предписанных эпических сказаниях реализовывалась через декларации и дидактику, то в поэмах К. Мечиева она воплощается через четкую систему художественных образов, в мастерски построенных и динамично развивающихся сюжетах. Ко времени создания этих поэм в балкарской поэзии имела богатая традиция эпического повествования в таких жанрах, как фольклорная историко-героическая поэма и в авторской традиции – лирическая. Историко-героические поэмы «Карча», «Каншаубий и Гошях», «Бекмырзала, Кайсынла», «Мисирбий», «Хасаука» и др., поэмы о любви «Хаммесей» Калтура Семенова, «Хорасан» и «Айджаяк» Каспота Кочкарова, оставаясь в стихии народной лирики, содержали многие сегменты индивидуального творчества. Существующая в этих произведениях грань между фольклорной эстетикой и эстетикой литературы достаточно условна, и в ней сокрыты процессы, предшествующие письменной традиции.

Кязим Мечиев является автором пяти разных по семантике и стилистике поэм: «Бузжигит», «Тахир и Зухра», «Раненый тур», «Желтый Кош», «Моулуд». Каждая из них характеризует одну из граней многообразного творчества автора и один из аспектов горского быта рубежа XIX-XX веков. Поэмы «Раненый тур» и «Желтый Кош» созданы на основе реальных событий, но они отличаются степенью художественного обобщения. В первой отражается авторское эмоциональное восприятие определенной ситуации, тогда как во второй поэт строго следует конкретным фактам и оценку дает только в конце повествования, оставляя читателю возможность самому разобраться в происходящих событиях и действиях каждого героя.

Поэма «Желтый Кош» («Сары Кьош») написана в 1916 году, сразу после произошедших реальных событий, и является квинтэссенцией идей гуманизма и размышлений автора о справедливом устройстве жизни. В содержании поэмы – характер взаимоотношений двух народов, издревле проживающих рядом, – грузинского и балкарского и шире – осуждение насилия, захвата чужого имущества и т.д. Необходимо подчеркнуть, что кьош – кошара некогда являлась частью этнического мира карачаево-балкарцев, ибо на летних пастбищах происходили важные хозяйственные работы с весны до поздней осени. Кош, кошара – хижина охотников и пастухов в горах. Переводчики иногда переводят его как «домик», что в корне не соответствует содержанию оригинала. В данном случае Сары Кьош – это топоним, название местности в Хуламо-Безенгиевском ущелье Балкарии.

К. Б. Мечиев жил в эпоху, когда феодальные отношения вытеснялись зарождающимся капитализмом, и надо отметить, что в горских обществах эти процессы имели свои особенности, порожденные вековыми традициями. Так, к примеру, до начала XX века, вплоть до установления советской власти, сохранялся обычай баранты (угон скота в сопредельных горских обществах). Об одном таком случае была написана поэма «Желтый Кош», в которой на основе подлинных событий и с упоминанием реальных личностей передается трагическая история угона скота из Балкарии за перевал, в сванское село Мужал. В ходе столкновения льется кровь с обеих сторон – погибает сванский князь Чона и балкарский пастух Гайда, и с обеих сторон готовы дружины, чтобы отомстить теперь за кровь.

Поэма К. Мечиева «Жёлтый Кош» и средневековые исторические песни о наездничестве, их соответствие историческим реалиям

Сюжет поэмы зауряден для эпохи Средневековья, когда о набегам были сочинены десятки песен и баллад, в которых наряду с подвигами рассказывается о жестокости героев. Такие сюжетные переплетения обычны

для кавказского историко-героического эпоса. «Преступление же, совершенное из принципа, не всегда даст право предполагать в преступнике безнравственность, – писал первый ингушский этнограф Ч. Ахриев, давая оценку институту наездничества у ингушей, – так как безнравственность состоит в отсутствии у человека всяких принципов, руководящих поступками, и замене их эгоистическими инстинктами или ощущениями», и констатировал, что такой набег «даже считается удалством, т.е. военной добродетелью» [3, с. 89]. Придание романтического ореола воровству, по мнению Ч. Ахриева, – одно из свойств кавказского менталитета определенной эпохи, в какой-то мере способствовало выживанию небольшого социума в условиях горского быта.

В исторической литературе принято считать наездничество особой формой горского мужества. Однако, как совершенно справедливо пишут кумыкские фольклористы Ф. Абакарова и А. Гаджиев, «вдумчивый подход к песням о набегах показывает, что идеи, вытекающие из их большинства, не восхваление, а наоборот, осуждение набегов» [1, с. 94].

В карачаево-балкарском фольклоре существует большой цикл песен о наездничестве и набегах, которые имеют несколько названий и в которых отражается характер и цели набега: «жортуул жырла», «жесирле алыу», «бешкъарышла алыу», «кёнчекликге барыу». Первое название «жортуул жырла» – «песни о набегах» – самое распространенное и в *некотором смысле* говорит о сущности горского рыцарства, когда сам поход выглядел актом мужества и предполагал не только набег, но и защиту родоплеменных ценностей. Только с укреплением позиций ислама подобные набеги начинают осуждаться, чем и объясняется финал большинства песен о набегах, сочиненных в XVII-XVIII веках. Как правило, в них герои погибают по разным причинам, но основная идея этих песен – осуждение акций, в результате которых страдают невинные люди. Как утверждает ученый-фольклорист А. Ахлаков, исследовавший аварские исторические песни, «массы горцев-крестьян, занятых своим нелегким, но мирным трудом земледельцев и животноводов, в целом отвергали идею набегов, сопровождавшихся грабежом и разбоем» [2, с. 47].

Названия цикла песен «жесирле алыу» («захват пленных») и «бешкъарышла алыу» («захват пятипядовых») говорят сами за себя и однозначно сообщают о набегах, целью которых был захват пленных у близких и дальних соседей. Последнее название уточняет, какие пленники являлись целью набега – дети не выше и не ниже пяти пядей, т.е. ростом в один метр. Это примерно ребенок 4-5 лет, когда в условиях чужой среды ребенок физически может выжить и со временем забыть о своем прошлом. Такова была реальность времени, обусловленная обстоятельствами горского быта. Родоначальники большинства зависимых сословий были добыты в результате набегов, о чем говорят не только фамильные предания, но и историческая литература и архивные источники [5, с. 31-329; 8, с. 36].

О захвате имущества как цели набега повествуют карачаево-балкарские песни «кёнчекликге барыу». В данном словосочетании «кёнчек» – это штаны, «барыу» – поход, название и содержание жанра соответствуют жанру русского фольклора «охота за зипунами» в исконном его смысле, когда разбойники останавливали караван с дорогими вещами, в том числе и с дорогими кафтанами, и грабили их. «Зипуны доставать (казачье) – мародерить, грабить, идти на казачий промысел», – поясняет В. Даль значение данного фразеологического словосочетания русского языка [6, с. 706].

Несомненно, одежда в те времена представляла собой определенную ценность, но все же, если исходить из содержания самих песен, целью таких набегов была добыча не столько одежды, сколько скота и продовольствия.

В карачаево-балкарском фольклоре песни о набегах повествуют о далеких и близких походах, совершенных известной личностью во главе своей дружины. Таковы песни «Ачей улу Ачемез», «Мисирбийни жыры», «Татаркъан», «Джандар», «Загъаштокъ улу Чёпеллеу», «Къобанланы къой бёлек», «Бекмырзала, Къайсынла», «Зауурбек», «Салимгерий» и др. Часть из них рассказывает о защите родины от нападения, другая – о набегах на соседние общества, но все они проникнуты идеей завоевания или защиты родины, семьи и имущества или же отъема названных ценностей. И каждый раз автор отдельного произведения придерживается собственной морали: одно и то же действие в одних случаях осуждается, в других – приветствуется, исходя из собственных интересов [4, с. 11-12]. В описываемый Кязимом период набеги давно потеряли рыцарское содержание, атрибутику, превратившись в банальный грабеж, и уже представляли для общества значительную угрозу. Каждый такой набег сопровождался если не человеческими жертвами, то большими потерями имущества горцев, прежде всего скота. Целью нападавших на Сары Кош в поэме К. Мечиева был угон скота как наиболее ценного товара для сбыта.

Глубина и масштаб отражения социального конфликта в поэме К. Мечиева «Жёлтый Кош», отношение автора к захватчикам и их вожакам

Как сказано выше, набеги, сопровождающиеся воровством имущества и пленением людей, составляли сюжет многих исторических песен, в которых народ и воспел лихих наездников, и одновременно осудил их. Тем не менее Кязиму удалось, как всегда, оживить тривиальный сюжет новым дыханием и наполнить новым содержанием, отстаивая собственные идеи, направленные на искоренение социального зла.

Поэт начинает повествование размышлениями о жестокости человеческой природы, не ограниченной нормами морали и религии, что, безусловно, порождает страдания безвинных людей:

Иные склонность к дикости и злобе
Впитали с материнским молоком

– А может быть, они еще в утробе
Готовились к расправе с бедняком?

Они лишили нас покоя,
Насилье – вот единственный их бог.
Мы трудимся – они, по-волчьи воя,
Уносят нас, как бешеный поток (здесь и далее переводы Г. Яропольского) [10, с. 152].

Этот зачин – прямое обращение к Чоне, жестокому князю, вторгшемуся в Сары Кош, собравшему из таких же, как он сам, «алчную дружину».

Затем поэт создает идиллическую пастораль – на лугах пасутся овцы, играет свирель пастуха, каждый из *кьош нёгер* занят своим делами, которых так много на летнем жайлыке. Кьош нёгер – небольшая группа горцев, как правило, близких родственников, ведущих общее хозяйство вдали от дома, на высокогорных пастбищах в до-революционной Балкарии. Идиллия содержится уже в самом названии стойбища – Сары Кош, где слово сары – золотой, желтый – проецируется на цвет масла и луговые цветы и на *сары танг* – утренняя заря, когда между ночью и днем появляется узенькая полоска желтого цвета. И вскоре «вкус калачей, на коше испеченных, // В себя вбирает солнечный простор...». Добротой и трудом окрашена жизнь обитателей Сары Коша с утра до самой ночи:

Всегда в трудах, в покое жить старались
Шики с долиной – в этом всякий схож.
В Усхуре и Тотуре собирались
Все те, кого сдружил единый кош [Там же].

Но, восклицает поэт, «все знают, но напомнить не мешает, Что жизнь в горах отменно тяжела. Никто там в одиночку не свершает Несметные насущные дела». По образному выражению К. Мечиева, она тяжела, однако горцы с ней справляются благодаря тому, что живут, «*ташны бирге кётюре, малны да бирге кюте*» – «вместе поднимая тяжелые камни и вместе ухаживая за скотом». Сары Кош – материальное подспорье жизни двадцати семей, отправивших свой кош на летнее время высоко в горы.

Это стойбище-жайлык – часть общественных пастбищ аулов Безенги и Шыкы, а также пространство их духовной культуры, ибо здесь вечерами после работы рождаются песни, рассказываются сказки и легенды, в которых прославляются исторические и недавние герои, героизм которых прежде всего – это защита родной земли:

...Часы так долго тянутся ночные,
Когда взираешь пристально во тьму!
Зуха поет тихонько, остальные
Припевом вторят слаженно ему.
Одежда, что намокла, просыхает
У очагов, где тлеют кизяки.
Зуха меж тем и сказок много знает,
А с ними – ни тревоги, ни тоски [Там же, с. 156].

Здесь быт налажен по законам отгонного животноводства, и «*Гайда с Тахиром в глубь ущелья смотрят, Чтоб недругов заметить наперед*». Однако враг все предусмотрел: давно не было нападений, и соседи ослабили бдительность. Летняя страда заставляет горцев не только пасти скот, но и напряженно работать на сенокосе. Стычка неизбежна, и нападение происходит в разгар дня, когда все заняты делом и охрана наравне со всеми пасет стада.

Ржет конь его не как перед забегом –
Так только перед схваткой кони ржут.
Чона же говорит своим абрекам,
Указывая путь, что темен, крут:
– Эй, соколы Сванетии!
Немало мы одолели трудных горных троп,
Вот только по ту сторону Мужала
Давно лихих коней не слышен топ.
У горцев память, видимо, увечна –
О нас забыли, ропот их утих.
Пока они вкушают сон беспечно,
Мы молнией обрушимся на них [Там же, с. 153]!..

Идиллическая картина тут же меняется тревожной, события неудержимо превращаются с каждой минутой в необратимую трагедию: тишину взрывают звуки выстрелов, лай собак, рев угоняемого скота, крики раненых: «*Свистели вражьи пули – несть числа им – И высекали искры из камней*».

Неравная схватка заканчивается смертью предводителя разбойников и пастуха-балкарца, пленением молодого захватчика и ранением нескольких горцев. Разбойники угоняют скот за перевал. Дружина из всех

поселков Безенгиевского и соседнего Холамского ущелья собирается в Сванетию, чтобы отомстить за Сары Кош: сжечь церковь и вернуть украденный скот. Теперь безенгиевский князь подстрекает своих соплеменников отомстить сполна обидчикам:

Шакманов Даулет без наставленья
Нас не оставил – он сказал, чтоб мы
Спалили все их горные селенья,
Повергли в ужас души и умы [Там же, с. 173].

Но находятся старейшины, которые хотят остановить дальнейшее кровопролитие и насилие.

Все верно: их злодейство, их коварство
В который раз узнали мы сполна.
Но все одним насилием коваться
Не может, потому что жизнь сложна [Там же].

После переговоров через посредников – жителей соседнего Чегемского ущелья наступает перемирие, возвращается молодой пленник к матери, сваны отдают стада с уплатой штрафа. Так заканчивается один из трагических эпизодов истории взаимоотношений двух братских народов. Кязим завершает свой рассказ обращением-призывом «молюсь, чтоб побеждали те, кто правы»:

Тот, кто живет насильем да разбоем,
Своим да будет промыслом казним!
Враждою меж людей обеспокоен.
Слагал свои стихи хромой Кязим.

Молюсь, чтоб побеждали те, кто правы,
Чьи искренни и праведны сердца,
А те, кто захотел кровавой славы,
Пускай ее познают до конца [Там же, с. 188-189]!

Поэма «Желтый Кош», продолжая традиции набеговых песен, в основном своем содержании имеет ряд существенных отличий. Это в первую очередь персонификация персонажей. Герои исторических песен несут в себе какие-нибудь определенные качества, единые для всех участников похода, такие как решимость, храбрость и беспощадность. Никто, кроме предводителя, почти не может самостоятельно ни принять решения, ни повлиять на исход похода. В устной поэтической передаче многие детали забыты, большинство участников не сохранили имена. В поэме же К. Мечиева – два десятка действующих лиц со своими личностными характеристиками, и каждый из них отмечен определенным участием в событиях, которые передаются со стенографической точностью, – все это создает реалистическую картину без присущих фольклорным произведениям пафоса и дидактики. И самое главное – автор как бы проводит разделительную черту в горской морали, и на первый план выходят архетипы, где центральное место занимают гуманизм и нравственность. Любовь к родной земле, уважение к памяти предков, верность национальным традициям также входят в концептуальный список поэмы.

Заключение

Выводы:

1. Творчество Кязима Мечиева пронизано идеями справедливого общественного устройства. Особое место в его поэзии занимает отношение к традиционным общественным институтам и к традициям, изжившим себя с наступлением новой эпохи. Поэма «Желтый Кош», осуждая институт наездничества, утративший со временем весь свой романтический ореол и превратившийся в обыкновенный грабеж, провозглашает мирное добрососедство и говорит о ценности человеческой жизни.

2. Поэма К. Мечиева «Жёлтый Кош» пронизана идеями добра и социальной справедливости и показывает, как простые люди, вынужденные по призыву князей совершать набеги, в конце концов понимают несправедливость своих поступков. Конфликт, изначально присущий набеговым песням, в данном произведении автором доводится до накала, когда проявляются человеческие слабости наравне с доблестью и благородством. В «Жёлтом Коше» главными выступают идеи: жить в мире и согласии, не присваивать чужое имущество, верить в Бога и изжить обычаи, сохранившиеся с языческих времен и содержащие в своей основе разорение и несчастья.

3. Творчество К. Мечиева характеризуется глубиной и широтой охвата драматических событий первой половины XX века, их достоверным отражением через поэтическое слово. Талант и мастерство позволили автору в поэме «Желтый Кош» создать реальную картину современной ему действительности.

Перспективы дальнейшего исследования. Творчество классика карачаево-балкарской поэзии К. Б. Мечиева неисчерпаемо, в нем содержатся ответы на многие злободневные вопросы. Будучи переведенными на русский язык, его стихи нашли отклик в сердцах тысяч благодарных читателей. Литературоведческая наука должна дать достойную оценку поэтическим шедеврам автора в будущих монографиях и др. научных публикациях, ибо они несут правду, свет и надежду.

Источники | References

1. Абакарова Ф. О., Аджиев А. М. Героико-исторические и исторические песни // Традиционный фольклор народов Дагестана / отв. ред. Г. Г. Гамзатов, У. Б. Далгат. М.: Наука, 1991. С. 41-95.
2. Ахлаков А. А. Героико-исторические песни аварцев. Махачкала: Дагиздат, 1968. 384 с.
3. Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушского народа с приложением его сказок и преданий // Ахриев Ч. Э. Избранное. Назрань: Полиграфический комбинат, 2000. С. 83-96.
4. Биттирова Т. Ш. Ал сёз // Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле...: хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т. Ш. Биттирова, А. М. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 3-22.
5. Биттирова Т. Ш. Басият Шаханов. Жизнь и творчество. Исследования. Тексты. Нальчик: Печатный Двор, 2018. 336 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка: в 4-х т. СПб. - М., 1880. Т. 1. 812 с.
7. Джуртубаев М. Ч. Душа Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1997. 232 с.
8. Джуртубаев Х. Ч. Балкарские и карачаевские фамилии: лексико-семантический анализ. Нальчик: Эльбрус, 1999. 64 с.
9. Кучмезова Р. И мой огонь горел: эссе о слове Кязима. Нальчик: Эльбрус, 1996. 187 с.
10. Кязим. Разум и Голос. Стихотворения и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 2009. 240 с.
11. Маммеев Д. М. Кязим Мечиев / на балкарском языке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. 136 с.
12. Мечиланы Кязим. Чыгъармаларыны 2 томлугъу (Кязим Мечиев. Избранное: в 2-х т. / сост., автор предисловия и комм. А. М. Теппеев); на балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 1989. Т. 1. 414 с.
13. Теппеев А. М. Кязим Мечиев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 2010. С. 106-133.

Информация об авторах | Author information**RU****Биттирова Тамара Шамсудиновна¹**, д. филол. н., вед. науч. сотр.¹ Институт гуманитарных исследований -

филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик

EN**Bittirova Tamara Shamsudinovna¹**, Dr¹ Institute for the Humanities Research -

Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik

¹ bittir@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 17.03.2021; опубликовано (published): 31.05.2021.

Ключевые слова (keywords): карачаево-балкарская поэзия; Кязим Мечиев; песни о набегах; наездничество; гуманизм; Karachay-Balkar poetry; Kyazim Mechiev; songs about forays; practice of forays; humanism.